

ФОРМУЛА ВЛАСТИ

В обсуждении принимают участие доктор философских наук, профессор, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета В. А. Луков, доктор философских наук, профессор, академик РАО, главный научный сотрудник Института философии РАН Л. П. Буева.

Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор П. С. Гуревич.

Гуревич П. Всем хорошо известна история, которую связывают с римским императором Калигулой (взошел на престол с 37 года н.э.). Он ввел в сенат в качестве полноправного члена свою лошадь. Всего за три года своего правления Калигула стяжал себе славу тирана. Таким он и остался в мировой истории — как один из самых жестоких правителей. История, может быть, и выглядела бы как анекдот, но в ней отразилась своеобразная феноменология власти. Калигула не был сумасшедшим. Ненормальным его сделала власть. Она его растлила, раскрыв неизбежность вседозволенности, которой чревата всякая власть. Калигула хотел показать, что власть тирана может быть безграничной. Но он же при этом продемонстрировал и пародию на власть. Он решил разозлить и высмеять сенат. Выполнил он это по всем лекалам демократии: сначала сделал своего коня гражданином Рима, а потом сенатором. Затем занес лошадь в список кандидатов на пост консула. И наверняка добился бы своего, если бы его не убили заговорщики.

Итак, апофеоз власти, мания власти. Но одновременно и развенчание ее, обнажение ее бессмысленности, когда она оказывается беспредельной.

О власти написано немало. Но ее тайна продолжает волновать воображение. Что-то, видимо, ускользает от уже реализованной феноменологии этой магии. Обнаружения власти, проходящие сквозь века, озадачивают, провоцируют размышления о человеческой природе, о социальности, о преображении власти в конкретную эпоху и о ее неодолимом диктате. Власть воспевают и проклинаяют.

В связи с этим хотелось бы обсудить вопросы:

1. Можно ли считать власть не только социальным, но и антропологическим феноменом?
2. В чем величие и нищета власти?

1. Можно ли считать власть не только социальным, но и антропологическим феноменом?

Луков В. О власти, кажется, все сказано. Суть власти в том, что некоторые имеют право и возможность повелевать другими, распоряжаться их мыслями, действиями, судьбой, а то и самой жизнью. История и повседневность дают бесчисленное множество примеров проявления власти на всех уровнях социальной жизни — в семье и государстве, в дружеской компании и в мировом сообществе. Как феномен власть знакома каждому. И все же, как вы, Павел Семенович, верно заметили, этот феномен остается загадкой. Какова природа власти? Как она сопряжена с бытием? Порой кажется, что этот феномен вообще не поддается рациональному объяснению. Царь, обладающий верховной властью, не позволяет поэту шутить даже в сказке по поводу своей незыблемости и непререкаемости: «Царствуй лежа на боку...». Захваченная властоманией Екатерина (в скором будущем названная Великой, что само по себе парадоксально, но этот парадокс свойствен почти всем «великим») верхом на белом коне с саблей наголо ведет войска арестовывать своего мужа Петра, и он погибает при невыясненных (но вполне очевидных) обстоятельствах. Заговоры проникают даже в лоно церкви, и святость порой отступает перед смертным грехом во имя господства и всевластия. Чем сладок этот напиток?

Буева Л. Писатель Даниил Гранин пишет: «Вот посмотрите, идет церковный праздник. В храме стоят у алтаря со свечками губернатор с женой или высшая власть, министр, премьер, не со всеми стоят, а отдельно, рядом со священником, да еще где-то рядом там сзади охранники стоят. Что это — политика? Нет, это не политика, а дешевка. Что это — религия? Нет, это не религия, а кощунство. Они же ни в какого Бога не верили, для них вертикаль ведет не к Богу, вертикаль — это они сами и те, кто над ними, а над ними — это другой ярус власти. Поднялся всего на две ступеньки, и уже спустя год он превращается в другого человека».

Гуревич П. «Все ближе очередные «выборы». Самое время поразмышлять о природе и практике власти». Как вы полагаете, когда написаны эти строчки? Совсем не перед последними выборами президента в России. Это из статьи Николая Бердяева. Не вызывает сомнение сама мысль о том, что власть как таковая нужна. Без нее невозможны ни организация, ни регулирование социальной жизни. Но русский философ ставит вопрос круче: «почему люди, управляющие Россией, веками враждебны обществу?» Обратите внимание даже «не народу», а «обществу» в целом.

Буева Л. Это странно. Ведь именно власть призвана устранять обнаружения зла — несправедливость, беззаконие, хаотичность, насилие, преступление.

Луков В. Но она же сеет и зло: ограничивает свободу, плодит коррупцию, произвол, узаконивает неравенство в обществе, истребляет инакомыслие, порождает двоемыслие и лицемерие, вновь и вновь предъявляет желание «рулить» социумом. Новая власть клянется исправить злключения и преступления предыдущих политиков, но и сама вязнет в тех же бедах. Бердяев называет это «порочным кругом зловластья». «Всякая власть открыто и прикрито заключает в себе яд», — писал он.

Гуревич П. И в той же связи — почему власть искажает человеческую природу и превращает правителя в тирана, невротика, палача, гонителя? Именно властомания явила миру психопатические типы, обнаружила свою ущербность. Но есть и иной срез этой проблемы — можно ли обойтись без власти? Является ли она неизбежностью? Антропологи рассказывают нам о том, что в некоторых культурах власть рассредоточена между членами племени и не концентрируется в отдельном лидере. Такой ход мысли можно проследить, скажем, у Эриха Фромма. Он считает, что в первобытных культурах земледельцы и охотники совсем не стремились создать больше вещей, чем нужно было для поддержания жизни рода. Частная собственность поэтому не могла стать капиталом и не способствовала увеличению власти.

Буева Л. Но источником власти является не только частная собственность. Согласно Фромму, только когда излишки превысили уже некоторый предел, власть имущие утратили необходимость силой заставлять других людей работать на себя. После победы патриархального государства, мол, основной эксплуатируемой частью населения были рабы, рабочие и женщины.

Луков В. Фромм как неомарксист ищет исток власти в имущественной, экономической сфере. Это, пожалуй, обедняет представление о человеческой природе. Доминирование над другими людьми вызвано не только потребностью в пище, условиями простого выживания. Есть масса иных соблазнов приручить к себе других, вызвать у них покорность и преданность.

Гуревич П. Исследования показывают, что и в архаических культурах власть порождается чисто психологическими мотивами. Более того, эта власть закрепляет себя в разных символических обозначениях. Известный культуролог Бронислав Малиновский, в частности, показал, что у жителей Тробрианских островов можно обнаружить радикальное отличие экономической функции и функции знака. Все предметы делятся на два класса. Кула — это система взаимного церемониального обмена, которая встречается в провинции Милн-Бей в Папуа — Новой Гвинее. Она объединяет 18 островных поселений, расположенных на архипелаге Массим (включая острова Тробриан). Члены общин, участвующих в обмене, время от времени путешествуют между островами на

длительные расстояния на своих каноэ с целью обмена ритуальными предметами.

Буева Л. Но это ведь и есть, по существу, система символического обмена, основанная на кругообороте браслетов, колье, украшений. Вокруг этой символической системы организуется социальная система, отражающая значимость и социальный статус людей. Во время перемещения один предмет обменивается на другой (то есть ожерелье обменивается на браслет и наоборот). Процесс участия в Кула варьируется в зависимости от региона. Так, например, на островах Тробрианд в обмене могут участвовать только вожди, в то время как на острове Добу — все представители общины.

Луков В. Причем все предметы, циркулирующие по кругу Кула, не подлежат личному использованию. Они лишь обмениваются с целью повышения социального статуса и престижа. Сам же процесс обмена, благодаря которому устанавливаются партнерские отношения (в идеале на всю жизнь) между сторонами обмена, осуществляется в строгом соответствии с различными традициями и обычаями. Процесс передачи предмета является отражением величия дарителя. Поддержание партнерских отношений включает в себя соблюдение взаимных обязательств, таких, как гостеприимство, защиту и взаимопомощь. Согласно представлениям жителей острова Вудларк, отношения Кула должны быть похожи на брак. Также правило круга Кула гласит: «Однажды в Кула — навсегда в Кула».

Буева Л. Хотелось бы сослаться также на работы современных биологов и генетиков. Так много сегодня пишут о генах лидерства, которыми отличаются отдельные люди. Они становятся вождями поневоле. Оказывается, лидер не только социальное понятие. В природе, в том числе и в человеческой, тоже есть предпосылки для узурпирования власти.

Гуревич П. Но ведь и история человечества дает впечатляющий материал для размышлений. Отношения внутри муравейника, возможно, регулируются инстинктом. Но в обществе действуют не только биологические механизмы. Когда Дарвин попал на Галапагосские острова, он обнаружил, что здесь полно всякого зверья. Английскому ученому показалось, что Природа замыслила мир таким образом, чтобы в нем шла внутривидовая война. Многие ученые, в том числе и русские, не приняли эту точку зрения. Волк не поедает волка, лев не нападает на льва. Лишь в человеческом сообществе люди убивают друг друга. Карл Юнг считал, что никакой борьбы за выживание внутри вида нет. Каждая особь сама себя надстраивает, а приобретенное передается потомству. Человеческая история, напротив — плацдарм бесконечной войны за власть. Философы нередко пытались «утихомирить» данное влечение, но некоторые даже поэтизировали его. Прославление войны в художественной культуре едва ли не бродячий сюжет.

Луков В. Если для Платона гармония отношений в условиях вечного мира является главным козырем власти, то Ницше, напротив, пытается понять власть в вихре противостояний, смертельной схватки. Он поэтому и связывает власть с дионисийством.

Гуревич П. По мнению Ницше, во власти отражается избыток чистых бытийных сил, который еще не натолкнулся на разного рода табу и ущемления. Это чистый пламень бытия. Власть для человека столь же органична, как наслаждение, радость, боль, трепет или страх. Она вообще не подлежит осуждению или моральной оценке, поскольку она выше морали. Власть поэтому, согласно Ницше, нельзя назвать злой или наоборот, доброй, благой. Ей подлежат другие оценки — власть бывает великой или мелкой, сильной или слабой. Государство аморально не потому, что оно располагает полицией, пенитенциарной системой. Оно обязательно как порождение воли к власти, к войне, к завоеваниям, к мести.

Буева Л. Между прочим, Ницше не принял концепцию «естественного отбора» Дарвина, так же, как и доктрину общественного прогресса. Он даже считал власть над собой выше, чем власть над другими. Социальный мир в его трактовке — это вечное противостояние соперничающих волей.

Луков В. Воля к власти, считал Ницше, может обнаружиться только тогда, когда

она встречает сопротивление.

Гуревич П. Похоже, именно так. Это, вероятно, позволило Мартину Хайдеггеру утверждать, что воля к власти есть существо власти. Такой демон сжигает политиков, подчиняет их жизнь неукротимому господству. Власть Ницше понимает не как сущность, а как отношение. Следовательно, по его мнению, тяга к власти коренится не в человеческой природе. Это приводит Ницше к апофеозу власти. Немецкий философ не принимает в расчет человеческие формы власти. Высшей властью для Ницше оказывается становление. Но оно есть не что иное, как игра стихийных сил бытия. Воля к власти у Ницше — критерий значимости любого общественного феномена.

Буева Л. Получается, что хорошо только властолюбцу. Воля к власти может выступать в активной или пассивной форме. У тех, кто слаб, воля к власти подавляется, вытесняется, становится бессознательной, меняет собственные формы. «Воля к власти» — основополагающая черта жизни. Свой идеал сверхчеловека Ницше видит в таких политиках, как Цезарь, Макиавелли, Борджиа. К ним примыкает у него римское, арабское, германское, японское дворянство, не говоря уже о гомеровских героях и скандинавских викингах.

Луков В. По Ницше выходит, что все люди демонстрируют волю к власти. Она действительно глубоко укоренена в фундаменте жизни. Режиссер Шахназаров, комментируя свой фильм о войне, заметил, что, возможно, человек вообще не может жить без войны и власти. Ницше приходит к мысли, что власть — это одно из непреложных онтологических измерений, которые определяют человеческое существование. Человеческое бытие вообще определяется стремлением к власти.

Гуревич П. По Ницше, волю к власти можно считать общим знаменателем и базовой мотивацией всей человеческой деятельности. Пожалуй, все-таки для него это антропологический феномен, поскольку он считал, что власть — это врожденное, тотальное определение человека. Но неужели все люди охвачены властоманией? Да, считает Ницше, нет людей, которые не стремились бы к власти, но есть такие, которые тянутся к ней вяло, плохо или недостаточно. Власть — это квинтэссенция не только политики, но и всей человеческой жизни.

Буева Л. Но все-таки не все люди способны проявлять активно волю к власти. Случалось и так, что человек покидает светский мир и посвящает себя Богу. Он далек от политических сражений. Но его диктаторство может проявиться в духовном облике, в харизме веры.

Гуревич П. Но Ницше нигде не настаивает на том, что значительная часть людей вообще не располагает этой волей. В критические минуты или при житейски удобном случае они не отказываются от того, чтобы поставить других людей на место. Разве современный человек в массе своей пассионарен, полон энергии и жизненных сил? Но как упорно, методично использует свою власть тот, кто ею облечен.

Луков В. Если власть и является антропологическим феноменом, то только в том смысле, что человек — социальное животное. В таком случае приоткрывается биологическое основание власти, которое обязательно предполагает, что рядом с Я есть Другой. Есть Другие, с которыми необходимо выстроить определенные отношения, которые изначально не могут быть равноправными и непременно являются иерархическими, то есть сориентированными на вертикальную ось социальных отношений.

Гуревич П. Но ведь само понятие Другого, как оно сложилось парадигмально в современной философии, во многом исключает иерархию. Культурные миры неповторимы, они демонстрируют разные виды ментальности. Карен Хорни, к примеру, полагала, что биологическое и общественное тесно сплетены. Во многих культурах, по ее словам, физически слабые люди всегда оказываются в невыгодном, подневольном положении. Но есть группы, где действуют специальные сдерживающие механизмы, не позволяющие сильным использовать слабых. В некоторых обществах существует

тенденция назначать физически слабых на привилегированные должности. Наконец, сама концепция Другого, как она сложилась в философии минувшего столетия, провозглашает не власть над другими, а духовное сотрудничество.

Буева Л. В античном обществе молодой человек, прежде чем заняться любовью с молодой особой, должен сначала ублажить старуху. Это императив справедливости, который ретуширует волю к власти. Так, по крайней мере, рассказывают нам античные трагики.

Луков В. Так-то оно так. Но даже если слабый человек занял успешное место в социальной группе, это не исключает идеи иерархических отношений. Обычно слабый властитель — результат компромисса и внешних обстоятельств. Когда в 1303 году Папой римским был избран безвольный Бенедикт XI, то дело не в том, что, кроме него, не было кандидатур, а в общей обстановке того времени. Иерархия как признак власти обладает системным характером и не зависит от личных качеств того или иного человека.

Буева Л. Кстати, понятие иерархии неотторжимо от власти. Оно широко распространилось после того, как Макс Вебер рассмотрел проблемы власти и подчинения на примере бюрократических структур. Иерархия отражает различия во власти, авторитете, материальном положении, социальном статусе и т. д.

Луков В. Да, иерархия подчеркивает непреложность отношений господства и подчинения. Уже более 100 лет господство-подчинение трактуется как нечто такое, что в многообразных проявлениях социальной жизни воспроизводит общее для природы человека.

Буева Л. Раз это биологическая черта человека, значит, есть основания характеризовать ее на уровне инстинктов.

Луков В. И в прошлом, и сегодня это — распространенная точка зрения. Инстинкт власти активно изучается в контексте философской антропологии. Некоторые считают его исходным для чувства любви, дружбы, ощущения своей нужности для Другого и т. д.

Буева Л. Вы с этим согласны?

Луков В. Думаю, что за этими утверждениями, в конечном счете, стоит перенос частного на общее и редукция высших чувств к сущностям низшего порядка. Если мы говорим «инстинкт власти», это значит, что мы признаем врожденность отношений господства-подчинения и то, что эти отношения осуществляются без всякого влияния разума, без волевых усилий, как бы сами по себе. Они сами собой, автоматически мотивируют человеческое поведение и, кроме того, передаются по наследству. Немало в истории разных народов найдется примеров, которые можно толковать в этом ключе. Но немало и таких исторических ситуаций, в которых властные отношения плохо соотносятся с инстинктивными выбросами. Вполне вероятно, что за этим стоит различная природа феноменов, которые обозначаются общим словом «власть». Хотя общим местом в литературе является утверждение, что у человека, как и других высших животных, инстинкты преобразуются под влиянием культуры и приобретаемого жизненного опыта.

Гуревич П. Но ведь Фрейд отверг эту мысль. Он как раз показал, что инстинкты невозможно «окультурить». Они выражают биологическую природу человека и воспроизводятся из поколения в поколение. Осмысливая феномен власти, мы, вероятно, должны усматривать в нем не только инстинкт. Альфреду Адлеру, который рассматривал властолюбие именно как инстинкт, постоянно говорили: укажите на тот физиологический субстрат, который является носителем этого инстинкта. Здесь проступает заметный парадокс. С одной стороны, Адлер говорит о власти как о биологическом обнаружении, а с другой — много толкует о социуме, социальности, целях и образе жизни людей.

Луков В. Да, Альфред Адлер продолжил традиции, связанные с изучением власти и заложенные Ницше. Согласен, пожалуй, с вашим выводом, Павел Семенович. Ведь Адлер, опираясь на Ницше, тоже выводил власть из человеческой природы. По его мнению, властвуют все и все хотят властвовать. Быть большим! Быть могущественным! Вот всегдашнее стремление всех маленьких или чувствующих себя маленькими. Всякий

ребенок тянется к высоким целям, всякий слабый — к превосходству, всякий, кому недостает надежды, — к вершинам осуществления: отдельный человек так же, как и масса, народы, государства и нации. Это извечное стремление людей есть попытка преодолеть чувство своей недостаточности, незащищенности, слабости.

Гуревич П. Адлер делает неожиданный вывод: власть принадлежит не сильным, а тем, у кого есть собственная уязвимость. Не будь этой поврежденности, человек не стал бы стремиться к власти. Выходит, вот он исток власти! Речь идет о болезненности человеческой природы, а вовсе не о ее неизбежных общественных коллизиях.

Буева Л. Вероятно, все это имеет не только академический интерес. Вот кинорежиссер Александр Прошкин, рассказывая о своем фильме «Искушение», говорит: «Мне кажется, пока мы не разберемся с тем, что с нами произошло в XX веке и что за государство мы создали, пока мы не вынесем вердикт по этому поводу, все время будем пребывать в состоянии вялотекущей гражданской войны».

Луков В. Могу в подтверждение этого добавить замечание Джона Дьюи: глубочайшим стремлением, присущим человеческой природе, является «желание быть значительным». И еще слова Уильяма Джеймса: «Глубочайшим свойством человеческой природы является страстное стремление людей быть оцененными по достоинству». Эти высказывания приводит знаменитый Дейл Карнеги, сопровождая их примерами того, как люди боролись за обретение сознания своей значительности. Назову и я их. Джордж Вашингтон хотел, чтобы его называли «Ваша светлость президент Соединенных Штатов», а Колумб ходатайствовал о титуле «адмирал океана и вице-король Индии». Екатерина II не желала вскрывать писем, которые не адресовались ей, как «Ее императорскому величеству», а миссис Линкольн, как тигрица, набросилась в Белом доме на миссис Грант с криком: «Как вы смеете садиться в моем присутствии без моего разрешения!» И еще из Карнеги: «Наши миллионеры помогли финансировать экспедицию адмирала Бэрда в Антарктиду на том условии, что цепи покрытых льдом гор будут названы их именами; Виктор Гюго домогался ни больше ни меньше, как переименования Парижа в его честь. Даже величайший из великих Шекспир пытался придать блеск своему имени путем приобретения герба для своего рода. Иногда люди заболевают, рассчитывая тем самым добиться сочувствия и внимания и ощутить себя значительными. В качестве примера приведем миссис Мак-Кинли. Она преисполнялась сознанием собственной значительности, заставляя своего мужа, президента Соединенных Штатов, пренебрегать важными государственными делами, чтобы часами, прислонившись к ее кровати и обняв жену, уговаривать ее уснуть. Превосходные примеры человеческих слабостей, оборачивающихся жаждой власти, и все же это не объясняет сути дела. Возможно, переживания Наполеона по поводу своего маленького роста повлияли на его стремление к власти, но никак не стали смыслом и содержанием самой этой власти.

Гуревич П. Может быть, нам стоит разграничить идею власти как ценнейший социальный феномен и ее конкретные обнаружения в истории? Вот Кант считал, что идея государственного устройства вообще, которая в то же время представляет собой для каждого народа абсолютное веление практического разума, священна и неодолима. Недостатки власти, мол, могут быть устранены с помощью реформ. Хуже, когда люди начинают поступать, как выражается Кант, по самоуправному произволению. Предостережение Канта особенно актуально в наши дни. Он считал, что народу надлежит подчиняться суверенной воле, объединяющей всех единым законом.

Луков В. Тогда возникает вопрос — откуда берется эта верховная власть, которой надо безоговорочно подчиняться?

Гуревич П. На этот счет у Канта есть обескураживающая мысль. Происхождение верховной власти в практическом отношении непостижимо для народа, подчиненного этой власти. И даже так: «Подданный не должен действовать, умничая по поводу этого происхождения как подлежащего еще сомнению права в отношении обязательного происхождения». Заповедь «нет власти иной, как от Бога», по словам немецкого

философа, выражает не историческое основание гражданского устройства, а идею как принцип практического разума. В итоге мы получаем вывод, который в условиях современной политики может выражать только раздражение: «Надо повиноваться ныне существующей власти, каково бы ни было ее происхождение». Вот вам и все страсти в связи с подсчетом голосов на выборах.

Луков В. Все же очевидно, что Кант здесь подразумевает пороки человеческой природы. Власть нужна, чтобы укоротить хаос, человеческие вожделения. И вполне возможно, что жажда власти не является социальным инстинктом. Эрих Фромм считал, что человек — это такое живое существо, у которого инстинктивное поведение играет минимальную роль.

Гуревич П. Вы правы, Валерий Андреевич, он полагал, что над инстинктами человека возвышаются страсти. Из них главные — властолюбие, корыстолюбие, фанатизм, мстительность. Конечно, они обусловлены социальными причинами. Но при этом страсти проявляются даже сильнее, чем инстинкт самосохранения. Но самым ужасным из всех человеческих страстей Фромм считал стремление более сильного использовать другого человека как средство для достижения своих эгоистических целей.

Буева Л. Если не ошибаюсь, он называл это утонченной формой каннибализма.

Гуревич П. Нет, не ошибаетесь, именно так. Фромм полагал, что уже тысячи лет человек живет в такой социальной системе, где победителя не судят, ибо слово «власть» выступает синонимом слова «право».

Луков В. Власть как право и возможность повелевать превращает человека во властолюбца. Виссарион Белинский верно заметил, что из всех страстей человеческих, после самолюбия, самая сильная, самая свирепая — властолюбие. В картине мира великого русского литературного критика никакая другая страсть не могла сравниться с властолюбием по тому, сколько страданий и крови она стоила человечеству. У Фромма не все так драматично. Он ведь не считал страсти только пагубными. Он задавался вопросом: «какие страсти необходимы для выживания человечества»? Агрессия и разрушительность, конечно, играют определенную роль, они помогают выжить одной группе, чтобы уничтожить другую. Впрочем, агрессия может привести и к гибели всего человечества. Расизм и нацизм это доказали.

Гуревич П. Самоутверждение посредством насилия представляется многим самоочевидной мыслью. Адлер писал: «Мы даже добавим: простейшим путем ко всякому благу и всему, что обещает счастье, кажется именно путь власти. Но когда же в жизни людей или в истории человечества такое намерение удавалось осуществить? Насколько мы можем видеть, даже малая толика насилия всегда вызывает противодействие, даже там, где мы имеем дело с придавленными гнетом людьми: патриархальная система, просвещенный абсолютизм — ужасные примеры тому. Даже с богами своими ни один народ не примирился без некоторого противодействия. И если человек или народ попадает в зависимость от другого, в нем сразу же — явно или скрыто — пробуждается дух сопротивления, который не исчезнет, пока не падут все оковы». Мысль Адлера связана не с самоограничением власти. Он доказывает: власть порождает власть...

Луков В. Адлер все же считал, что власть не является врожденным инстинктом. Он показывал, что стремление к господству, честолюбие и стремление к власти над другими вместе со всеми сопутствующими им явлениями нельзя рассматривать как неизменные. Скорее, они прививаются детям с раннего возраста: ребенок воспринимает их из атмосферы, пропитанной жаждой власти. В нашей крови, писал он, все еще есть тяга к опьянению властью, и наши души становятся мячиками в игре стремления быть наверху. Только одно может нас спасти — недоверие к господству. Наша сила заключается в убеждении, в организующей силе, в мировоззрении, а не в силе оружия и чрезвычайных законах. Эти средства уже доказали свою негодность в борьбе других могущественных сил.

Буева Л. Адлер слегка запутался. Считал, что власть неизбежна, но толковал о том,

что она доказала свою негодность.

В чем же величие и нищета власти?

Гуревич П. Тем не менее, нам предстоит подумать над тем, что произошло в истории человечества, которая начинается, быть может, призывом Канта к лояльности и верноподданничеству и завершается словами О. Манделштама: «Власть отвратительна, как руки брдобрея». У Канта власть и закон — по существу, одно и то же. При такой трактовке власть противопоставляется свободе, суживает ее. Но оказалось, что власть отнюдь не сводится к государству. Она проникает во все поры общественного организма. По мнению Фуко, власть как таковая порождает конкретные типы деятельности и коммуникации. Она шире, чем закон и политическое принуждение.

Луков В. Речь у Фуко вообще не идет о государстве и его функционировании. Он говорит, скорее, о воспитании и семье, показывая, что с начала XVIII века складывается система власти, которая «выражает себя не через право, а через определенную технику власти, с помощью не закона, а нормы, посредством не наказания, а контроля, и осуществляет себя на таких уровнях и в таких формах, которые выходят за пределы государства и его аппарата».

Гуревич П. Таким образом, под властью надо понимать многообразие отношений силы, которые формируют определенные области общественной жизни. Сюда относятся игры, битвы и конфронтации, в ходе которых эти силы трансформируются, возрастают и даже переворачиваются. Причем все эти многообразные отношения власти не сводятся в некую державную точку. Это означает, что власть вездесуща. Она воспроизводится, согласно Фуко, в каждый момент и в каждой точке, в каждом отношении людей, которые связывают какие-либо точки общественной системы. Она исходит отовсюду.

Буева Л. Парадоксально, но эта экспертиза власти неопровержима. Она не является внешней для других типов отношений — экономических, сексуальных, познавательных. Она пронизывает их. Возьмем для примера такой неожиданный источник власти, как проникновение европейских норм сексуальности в мусульманских странах.

Гуревич П. Эксперты называют это сексуальной революцией под хиджа-бом. Так, Индонезийская ассоциация по планированию семьи начала диспут о месте секса в жизни мусульман. Разве меры по ограничению рождаемости, предлагаемые в ходе дискуссии, не являются императивом власти? Сегодня деревенские женщины считают отказ мужу в сексуальной близости нарушением канонов ислама. Они поэтому боятся божьей кары больше, чем осуждения окружающих. Но в сознание мусульманок входит убеждение, что женщина имеет равные права с мужем и может поступать в этой сфере по собственному усмотрению. Предметом обсуждения оказываются вопросы о том, какой секс полезен для полноценной жизни, а что может принести вред душе и телу, допустимы ли средства предотвращения беременности. Все это требует отказа от устоявшихся традиций.

Луков В. Здесь, вероятно, как и во многих других случаях, применимо положение о социальном конструировании реальности, пущенное в научный оборот П. Бергером и Т. Лукманом и сегодня принятое значительным числом российских социологов. В таком конструировании большое значение имеет переосмысление субъектом (индивидом, группой, организацией и т. д.)

наличной жизненной ситуации, ее подчинение сложившейся у субъекта картине мира. При таком переосмыслении даже невыгодные для субъекта условия жизни могут предстать как, по крайней мере, приемлемые, достаточные для того, чтобы обеспечить выживание и даже процветание. Тогда все как бы переворачивается с ног на голову, и утрата оков может восприниматься как утрата основ.

Буева Л. Чеховский Фирс в «Вишневом саду» считал отмену крепостного права «несчастьем». Вы о таких феноменах сознания говорите?

Луков В. Именно о таких, поскольку мы ведем речь об отношении к власти и

эффектах ее блеска и нищеты. Обратите внимание на то, каким увидел отношения помещиков-крепостников и крепостных крестьян выдающийся французский социолог Ле Пле. В 1837 году он работал в России и наблюдал то, о чем писал в таких словах: «Мои первые впечатления при виде крепостного состояния противоречили моим предвзятым мыслям, и потому я долго не доверял самому себе. Население было довольно своей судьбой, подчиняясь нравственному закону, равно как и верховной власти и господам, благодаря религиозному началу, которое поддерживало твердую веру». Он добавлял: главная сила России заключалась во взаимной зависимости помещиков и крестьян, а дух покровительства был, в сущности, основанием общественного строя.

Буева Л. То есть крепостное право — наш удел?

Луков В. Вовсе нет, и противоречивость господства-подчинения здесь выявляет свои черты как социально конструируемой реальности в масштабах целых исторических эпох в жизни народов. Ле Пле узрел то, что оставляется в тени теориями классовой борьбы. Это не значит, что такая борьба — выдумка и не локомотив истории. Но феномены социальной солидарности, основанной на неравноправии и даже угнетении одной части общества другой, имели место и имеют место сейчас. Можно, конечно, признать, что француз ничего в русской загадочной душе не понял и его культурный тезаурус привел его к заблуждению. Но и Лев Николаевич Толстой оказался в очень похожей ситуации, когда участвовал в переписи населения в январе 1882 года. Толстой сам выбрал место, где будет вести перепись, — «Ржаную крепость», территорию беднейших москвичей и одну из наиболее криминогенных зон города. Он использовал перепись для изучения быта людей социального «дна», имея четко сформулированную гипотезу о необходимости помощи богатых этим обездоленным. И что же? Писатель увидел в казавшемся целостном мире «дна» богатую гамму социальных различий, обнаружил достоинство рабочего человека, хотя бы и оказавшегося на грани нищеты, и осознал утопичность своего проекта помощи бедным. Жизнь оказалась сложнее и богаче схемы ее интерпретации.

Буева Л. Однако все же чаще власть мыслит на уровне схемы, предписывает не сложное, а простое поведение и не считается с социально сконструированной реальностью, если это не ее конструкция.

Луков В. Это так. И на уровне общества как целого, и на уровне его автономных частей. Вот один частный пример. В начале этого года в стране изменились правила защиты диссертаций. Теперь член диссертационного совета, опоздавший к началу заседания, или ушедший до его конца, или вышедший во время заседания, считается отсутствующим и в голосовании по диссертации не участвует. Чтобы Минобрнауки РФ могло не сомневаться, что все было именно так на защите, ее проведение фиксируется на видео и соответствующий диск прилагается к делам, которые сдают в ВАК. Ничего более нелепого и противоречащего здравому смыслу представить себе невозможно. Ни в ООН, ни в Госдуме или в правительстве России подобные требования к участникам заседаний, принимающим решения куда более ответственные, не применяются. Что же научное сообщество? На одном из заседаний одного диссертационного совета я видел такую сцену. Член совета встал и куда-то двинулся (как оказалось, к другому члену совета, который сидел в отдалении). Что тут началось! Другие члены совета зашикали на него: «Нельзя! Идет видеозапись! Сядьте!» Власть чиновников в очередной раз победила научное сообщество, не готовое к протесту. Более того, в новом формате нашлись даже и свои достоинства, и сообщество успокоилось, не начав бунтовать. Собственно, почему? Думаю, что в определенных пределах властные импульсы, даже самые фантастические, не разрушают систему, которая может переосмыслить ситуацию и приспособиться к ней, извлекая из нее совсем другие импульсы, перерабатывая энергию приказа в энергию развития. В итоге через изменение всей системы меняется и источник власти — управляющая подсистема.

Буева Л. Фуко предупреждает: там, где власть, там есть и сопротивление.

Луков В. Точнее было бы сказать: там есть условия для сопротивления. Оно, сопротивление, может проявиться по-разному. Поскольку и власть обнаруживает себя по-разному. У Фуко есть утверждение, что власть реализует себя не через стратегические решения, а путем новаций. Ну, почему же, и через стратегические решения тоже. Что касается инноваций, то интересна его мысль об их следовании друг за другом с опорой друг на друга, в итоге чего появляется некое целое, в котором различимы определенные цели, хотя нельзя найти конкретных лиц, которые бы к ним стремились. «Масштабные стратегии оказываются анонимными. Но сколь бы невероятными, спонтанными, дикими не были силы сопротивления, они могут существовать только в стратегическом поле властных отношений. Корыстные или жертвенные, половинчатые или жертвенные, они все равно вписываются в господствующую власть». Мы были свидетелями, как быстро российская власть перехватила лозунги оппозиции и адаптировала их.

Буева Л. Власть продуктивна в той мере, в какой она не сводима к одной определенной властной инстанции, но пронизывает все дискурсы и виды деятельности в обществе, накладывая на них свою неизгладимую печать, развивая под определенным углом и тем самым обуславливая производимые ими продукты. Образ власти как запрещающей, мешающей и ограничивающей слишком поверхностен. Власть побуждает и при этом детерминирует то, что появляется как результат ее побуждения.

Гуревич П. Но выводы Фуко не сводятся к тому, что власть анонимна, что она выражается через безличную сеть отношений, сковавших все общества. Если бы это было так, мы бы сейчас покинули поле политических отношений. Фуко показывает, что власть обычно существует и в виде властного института. Для примера Фуко отмечает, что в конце XVII века в Европе начинает формироваться власть нового типа, которая радикально отличалась от власти феодальной. Это власть права, закона, о которой писал Кант. Ее можно назвать дисциплинарной властью.

Луков В. Кстати, Фуко берет для иллюстрации воинский устав XVII века. Там описан идеал боевого солдата. Его можно увидеть и разглядеть издалека. Он держит голову прямо, плечи у него развернуты, живот подобран, он опирается на сильные ноги. Итак, перед нами не столько правила поведения, сколько образец гордости и силы. Это символ власти суверена. Современная власть тоже много внимания уделяет внешнему виду бойца. Для воинов и полицейских шьются новые мундиры. Власть осваивает новые функции. Она кропотливо добивается послушания. Рождаются методичная работа над человеческим телом, рассчитанная манипуляция с его членами, жестами, поведением. Ту же дисциплинарную роль унификации образования играет, судя по всему, и ЕГЭ, принципы которого при всем сопротивлении педагогической общественности, учащихся и их родителей все же власть собирается распространить и дальше — теперь уже на бакалавриат. Мы видим, как для управления массами, которые должны функционировать как единая машина, изобретаются особые тактики.

Буева Л. Однако надо сказать и о благородной миссии власти. История знает многочисленные примеры безвластия, которые приносят огромный ущерб. Только государство в состоянии устанавливать и поддерживать законность и правопорядок. С другой стороны, от самого государства исходит опасность, что государственная машина станет всевластной и поглотит все общество. Опасны оба варианта — разрушение власти и подавляющее ее воздействие на все сферы общественной жизни. Нормальный вариант — тот, при котором государство соблюдает права личности и поддерживает общественный порядок. Но ведь это возможно в сравнительно узком промежутке между хаосом безвластия и государственной тиранией.

Луков В. Анархия сегодня как социальное учение, очевидно, не пользуется популярностью. Никто не толкует об устранении государственной власти. Целью анархизма в наиболее прямолинейном его изложении является безвластие, то есть такая организация общества, где отсутствует власть человека над человеком. Под властью понимается систематическое принуждение человека к тому, что противоречит его воле.

Наиболее распространенной формой власти считается государство как машина принуждения людей. Свободе препятствует власть, реализованная, прежде всего, в государстве. Поэтому государство должно быть уничтожено социальной революцией. Народ должен восстать, взять все, что ему понадобилось, и разогнать всех правителей. Не должно быть более ни законов, ни власти. Между тем, многие феномены современной социальной практики нельзя не назвать сегодня анархистскими.

Буева Л. «Что лучше: самая жестокая диктатура или хаос безвластия» — сегодня все еще продолжает порождать острые дискуссии среди философов, политологов, социологов и просто думающих людей.

Луков В. Удивительным образом нищета российской политической власти подлила масло в огонь этой дискуссии в июне этого года, когда были проведены обыски у организаторов «марша миллионов», оппозиционного руководству страны. Из еще недавно совсем неопытных в политике людей в очередной раз сделали страдальцев и возбудили к ним сочувствие даже у тех, кто не согласен с их позициями и опасается провокации народного бунта. Надо сказать, что такие действия властей быстро учат, и сегодня Навальный смотрится намного более опытным и готовым к политической деятельности, чем еще несколько месяцев назад. Впечатление, что президент, премьер, их администрации и органы правопорядка столкнулись с проблемой, которую не знают, как разрешить. Что-то подобное было в Польше в начале 1980-х годов, когда рабочий Гданьской судовой верфи Лех Валенса возглавил негибкую «Солидарность». И он был неопытным политиком, но стал президентом — главой государства, боровшегося с инакомыслием и инакодействием. Опыт приобретается в борьбе. А вместе с ним и народное признание.

Гуревич П. Вероятно, к теме нищеты власти относится и то, чем занимается сегодня политическая психопатология. Известный психиатр Арон Белкин в статье «Дурман большой политики» пишет: «Брали интервью у депутата Н. (его партийная принадлежность, как и полное имя, роли не играет)». Говорили о чем-то важном. Но не мог заставить себя вслушаться — передо мной было лицо наркомана. Со специфическим блеском глаз, со специфической мимикой, с выступившей на лбу испариной... Если годами, изо дня в день, видишь такие лица, ошибиться трудно»¹. Речь в статье идет о специфической наркомании, связанной с феноменом власти. Политический наркоман бесплоден. Если использовать подсказанное Фрейдом сравнение, никто с его помощью никуда не доедет: всадник сброшен, лошадь понесла, а до повозки — застрявшей на повороте, перевернувшейся, разбившейся — лошади дела нет.

Луков В. Для характеристики людей во властных эшелонах — это продуктивный подход. Во всяком случае, если иметь в виду определенные типы цивилизации, к которым относимся и мы. У Ле Пле нашел интересное определение руководящего сословия, над которым сначала посмеялся, а потом и призадумался. Об этом сословии Ле Пле пишет, что это совокупность лиц, которые своими убеждениями или своей деятельностью дают направление обществу. Это направление, продолжает французский социолог, в племенах оседлых дается — у народов образцово сложившихся — земельными владельцами, помещиками, у народов испорченных — литераторами, интеллигентами. Через сто с лишним лет это высказывание даже еще более злободневно. К литераторам можно добавить киноартистов, телеведущих и других лиц свободных профессий, которые несут в политику неустойчивость взглядов, впечатлительность, растерянность перед сложными задачами, провокационность, агрессивность. Политическая психопатология имеет сегодня для себя большой эмпирический материал. Впрочем, и в прошлом его было немало.

Гуревич П. В. Тополянский в книге «Сквозняк из прошлого» (М., 2007) описывает историю утраты власти Троцким и показывает, что «демон революции» был личностью

---

¹Белкина А. Дурман большой политики // Советская культура. 13 августа 1994 года.

истерической, и именно истерия привела его к краху. Автор дает также яркий портрет Ежова, «железного наркома», обиженного природой человечка ниоткуда, чье имя для эпохи массового истребления стало нарицательным. «Всю свою бесцветную жизнь маленький нарком играл», — пишет Тополянский. Физический инфантилизм, сопровождавшийся задержкой психического развития, вопиющая некомпетентность и невежество, интеллект и эмоции ребенка не давали ему отличить свои ребячьи выдумки от реальности, и на основании этих выдумок он карал, карал, карал. Политика может, как видим, рассматриваться через призму политической патопсихологии. Известно, что знаменитый психиатр В. М. Бехтерев был приглашен к Сталину для обследования его сохнувшей руки. Уходя из кабинета, в дверях, ученый бросил слово: «параноик». Этот диагноз стоил ему жизни. Сходный приговор был вынесен врачами и Саддаму Хусейну. В 1982 году к заболевшему диктатору пригласили английских врачей. Как и в случае со Сталиным, они занимались лечением разных заболеваний, обнаруженных у больного. О паранойе, которую они обнаружили, врачи умолчали, пока не выбрались из Багдада.

Буева Л. Паранойя — профессиональная болезнь тиранов. Садам Хусейн, как и Сталин, был жестоким, подозрительным, непредсказуемым. Он также без колебаний погубил своих родственников и искалечил жизнь собственных детей. Садам уничтожил мужей двух своих дочерей. Жестокость как психологическое свойство, судя по всему, признак психического отклонения. Ливийский вождь Муаммар Каддафи, находясь у власти, тоже имел психиатрический диагноз — маниакально-депрессивный психоз. У Гитлера, как известно, развивалась болезнь Паркинсона. Это установили врачи, которые наблюдали по фотографиям, как меняется его поведение.

Гуревич П. Власть требует жертв. Политику приходится отказываться от дружеских привязанностей, от эмоциональных состояний, связанных с органикой чувств, от голоса совести. Вожди часто страдают депрессией. Ее приступы хорошо знал Уинстон Черчилль. У президента США Джона Кеннеди тоже бывали налеты депрессии. Он страдал нервной возбудимостью, часто принимающей форму психоза. Перед роковым выстрелом в Далласе его нервная система была полностью истощена.

Буева Л. Тем не менее, распад здоровья не является для политиков поводом добровольно передать власть другим, даже своим сподвижникам. Причем и великие страны становятся заложниками болезней своих политических лидеров. Стоило Рональду Рейгану стать губернатором штата Калифорния, как появились анекдоты о его странной забывчивости. Когда он баллотировался на пост президента, ему задали на телевидении вопрос, нет ли в его родне людей, имевших серьезные проблемы с памятью. Рейган рассказал о своей матери, которая страдала склерозом и умерла в 80 лет. Будущий президент дал обещание, что если у него возникнут те же проблемы, он немедленно подаст в отставку. Он выиграл президентский марафон и стал главой государства, когда ему было почти 70 лет. Рейган страдал болезнью Альцгеймера. За год до окончания своего президентского срока он посетил врача Белого дома и попытался скрыть свою тревогу шуткой. «У меня три проблемы. Во-первых, я постоянно все забываю. Вторую и третью проблему я только что забыл».

Гуревич П. Президент Франции Франсуа Миттеран во время предвыборной кампании дал обещание, что каждые полгода будет информировать французов о состоянии своего здоровья. Однако уже через несколько месяцев после того, как он стал президентом, у него обнаружили рак. Врачи сообщили, что он проживет не более трех лет. Правда, врачи ошиблись в жестоком прогнозе. Миттеран прожил еще пятнадцать лет. Но о болезни он не оповестил.

Буева Л. Мне кажется, только один политический деятель — президент Польши Пилсудский, который перенес легкий инсульт, обратился к врачам с вопросом: сможет ли он полноценно выполнять свои обязанности. Более серьезный инсульт пережил и У. Черчилль, но вопрос о том, способен ли он управлять Британской империей, не возникал. Власть сопряжена с огромной психической нагрузкой. Она, несомненно, деформирует

личность².

Гуревич П. Хорни считала, что аномальные личности бывают особенно заметны в революционные эпохи. Нередко они даже оказываются в центре общественной жизни. Бывает, что те, кого мы считаем невменяемыми, вдруг оказываются нашими правителями. Многие политики разделяют иллюзии, будто они святые, подвижники, герои. Так происходит деформация личности.

Буева Л. Почему так происходит? Бердяев делает ясный вывод: власть преворачивает людей, обездушивая их. И действительно, обитатели властной верхушки в России во все времена доказывали это своим равнодушием к нуждам «простых» граждан и даже к гибели соотечественников (в войнах, катастрофах, терактах). Вины своей за это правители никогда не чувствуют. Более того, они неизменно награждают друг друга за «успешные» операции, в которых гибнут люди.

Луков В. Это касается не только царей и президентов. Величие и нищета власти — не разные ее стороны, а единое качество, связанное с подсистемой управления в саморазвивающихся системах. Эта подсистема (управленческий блок) необходима. Она, кроме того, не может быть слишком большой по отношению к управляемым частям системы. У нее в функционале находится задача генерализации, объединения усилий, обеспечивающих жизнеспособность системы. Как только мы эти общие положения перенесем на практику любой организации — от малого предприятия до мирового сообщества, — получим и примерный набор людей, которые могут обеспечивать управление другими. Да, власть «преворачивает» людей, обездушивая их. Но надо понимать, что личного в этом довольно мало. В этом смысле можно утверждать, что власть, в конечном счете — это не господство людей, а господство структур. Были и есть харизматические лидеры, ведущие за собой миллионы в силу своих личных качеств. Ганди, например. Это тоже власть, но своей особой ипостаси, где структура не предшествует личности, а следует за ней. Но все равно — следует.

Гуревич П. Мы, по сути дела, не знаем исторических примеров, когда политик добровольно отказывается от власти. Единичные примеры, скорее, служат апокрифом, нежели правдой. Наркотизирующее влияние власти, пожалуй, неосознанно до конца. При жизни политика о нем говорят как выдающемся реформаторе, а после его ухода обнаруживаются непоправимые ошибки, которые загоняют историю в тупик. Между прочим, сложилась социальная мифология, которая оправдывает длительное пребывание политика у власти. Прав Георг Гегель, который считал, что история ничему не научает. Казалось бы, казнь короля, гильотинное отсечение головы, обвальный позор, изгнание, низвержение в политическое небытие, народное проклятие — ничто не способно остудить политика, испытавшего морфий власти. У него — собственные резоны. А твердое убеждение властителя в незыблемости своего статуса перекашивает общественное сознание.

Буева Л. Право властителя на обман, хитрость, фальсификации, как известно, получило в социальной философии разностороннее признание и обоснование. Впрочем, не нужен ни Борджиа, ни Макиавелли, чтобы разглядеть в современной, в том числе и российской, политической практике это судорожное компульсивное желание сохранить статус-кво, не допустить смены курса, не откликнуться на вызовы истории.

Гуревич П. Политическая философия последних столетий показывает, что кризис власти начинается, как правило, с того, что конструирует образ врага. Недовольство общества политики направляют в иное русло, вызывая негодование, направленное против тех, кто мешает реализации намеченного курса. Существовать власть без врага не умеет. Это подметил еще и Кант. Он подчеркивал, что властолюбие как человеческая страсть восстанавливает против нее всех. Она начинается, однако, с опасения, как бы не оказаться

---

² См. Горбачева А. Болезни властителей. Шапка Мономаха тяжела для здоровья // Независимая газета. 11 сентября 1999 года.

под властью других. Поэтому власть стремится к тому, чтобы заблаговременно добиться господства над другими. Однако Кант считал, что властолюбие как сомнительное и несправедливое средство, направленное на использование других людей для своих целей, вызывает сопротивление. Экспансия власти противоречит основанной на законе свободе. Власть поэтому постоянно выдвигает образ врага, который должен мобилизовать властные ресурсы и спасти ее от злоумышленников.

Луков В. В одном из наших обсуждений мы уже касались этой темы. Конструирование образа врага — это психологический механизм проекции. Люди, которые воспринимают власть лишь как неубывающую интригу, склонны наделять этим свойством других, усматривать во всем подставы, тайные умыслы. Механизм проекции легко просматривается в социальных процессах, в динамике культуры, в рекламе. Каждая из культур пытается выразить собственное ценностно-смысловое содержание, осознать себя как некую особость. При этом рождается понятная отстраненность от тех, кто иначе воспринимает мир, демонстрирует некие специфические черты. Как относиться к этой непохожести? Можно принять ее в качестве уникального, непостижимого. Можно увидеть иное глазами «гражданина мира» — как свидетельство разнообразия бытия.

Буева Л. Противопоставление, построенное по схеме «мы» и «они», — одно из древнейших. Сталкиваясь с другим жизненным укладом, другими традициями, непонятными нравами, люди культуры сопоставляли все это с тем, что принято у них самих, и нередко агрессивно отвергали. Это иное заслуживало осуждения и искоренения.

Гуревич П. Манихеи учили, что мир изначально разъединен. Свое — это мир света, чужое — мир тьмы. Противостояние фатально... Культурно-историческая перспектива показывает: все, что способно вызвать в конкретной культуре ненависть и неприятие, нередко оказывается проекцией собственных вытесненных представлений и чувств.

Луков В. В нацистской Германии было немало причин для общественного неудовлетворения. Гитлер персонифицировал зло, он назвал виновниками болезненных процессов, происходящих в стране, евреев и коммунистов. Анализ его политических речей показывает, что, однажды назвав своих антиподов, он обычно говорил о них, прибегая к местоимению «они». «Они — вы знаете, о ком я говорю» — вот излюбленная формула фюрера, которая неизменно вызывала реакцию аудитории. «Знаем!» — кричала толпа.

Буева Л. Теперь мало кто помнит, что слова «Враг жесток и неумолим» принадлежали Сталину. Он был подлинным маэстро в фабрикации врагов. Многоликий и неусыпный, враг взрывал заводы, отравлял колодцы, продавался империалистам. Нужна была предельная бдительность, чтобы узнать врага под маской. И эту бдительность возвращали в стране в немыслимой концентрации.

Гуревич П. Может ли общество существовать без лепки образа врага? Есть ли у человечества другие способы консолидации мыслей и чувств людских? Конечно, есть. Но, может быть, уже поздно нейтрализовать реальные психологические законы. Отработаны социальные технологии, развернута индустрия имиджмейкерства, созданы затейливые персонификации зла. Мир людей вряд ли может обойтись без исламской угрозы, без тоталитарных сект, без олигархов, без «оранжистов», «либерастов» и «оппозиционеров», на которых можно списать собственные просчеты...

Буева Л. Но ведь одна персонификация рождает другую. Демократы шли к власти, пугая реваншем коммунизма, современные государственники изо всех сил старались вылепить злокозненный образ «дерьмократа». Сегодня звучат смехотворные заявления о том, что именно олигархи развалили армию... «Злые чечены», иноверцы, шахидки, проклятые фундаменталисты — спектр ненависти безграничен. Надо только вовремя канализировать общественное возмущение...

Гуревич П. Здесь, на мой взгляд, есть смысл перевести наше обсуждение в другое русло. Конечно, мы сплошь и рядом видим устремление к власти и нежелание расстаться

с нею как мотив политической деятельности. Здесь в ход идут технологии белого и черного пиара, фальсификаций, подкупа и т. д. Арена этих действий — весь мир, исключений не наблюдается. Видим и безмерные желания каких-то людей стать в позу старухи из пушкинской сказки о рыбаке и рыбке и потребовать себе статус то ли «столбовой дворянки», то ли «вольной царицы», то ли «владычицы морской».

Луков В. Да, но это все же субъективная сторона власти, и именно она передается через социализацию — семейное воспитание, примеры успешных ровесников и т. д. Сейчас широкое распространение получили такие формы, как молодежные парламенты, молодежные правительства и т. п., где молодежь осваивает роли управленцев высокого уровня. В этих практиках, конечно, много полезного, но нельзя не видеть, что довольно часто они притягивают к себе людей с безмерными амбициями и гордыней, возмечтавших царствовать, лежа на боку (вернусь к этому пушкинскому образу). Но антропологическое измерение власти не может быть сведено к властолюбию или к властененавистничеству, если можно так сказать, т. е. к психическим реакциям на феномен власти. Есть и объективная основа власти в человеческой природе, которая не позволяет смотреть на нее как на некое зло или добро. Общество — самоуправляемая и саморазвивающаяся система, и управленческий механизм встроен в нее как необходимый системный элемент с определенными функциями. Эти функции таковы, что осуществляющие их конкретные исполнители наделены особыми полномочиями по отношению к другим и эти другие признают право и возможность носителей таких функций повелевать.

Буева Л. Статус повелителя совсем не обязательно предполагает исключительные личные качества того, кто получил его.

Луков В. Разумеется, любой начальник знает, что именно статус определяет его право отдавать приказания подчиненным, а вовсе не его ум, желания, представления о будущем и т. п. Этот же статус предписывает и то, что не отдавать приказания он не может. Специфика статуса, которая определяется принятыми в обществе нормами, меняет личность, ее ценностные ориентиры, понимание жизни, коммуникативные практики. Но в этом проявляется общественная необходимость. Мы начинаем с Нерона и других властителей целых народов, но вслушайтесь в рассказы актеров о работе с выдающимися режиссерами, балерин — о своих знаменитых педагогах, инженеров — о генеральных конструкторах, преподавателей лучших вузов — о своих ректорах, картина очень часто не окажется иной: здесь и вспышки гнева, и подозрительность, и несправедливая опала. Впрочем, как и неожиданные решения, которые обеспечили успех, победу, спасли жизнь. Иначе говоря, антропологический смысл власти выражается на всех уровнях биологической, социальной и культурной жизни человека как необходимого инструмента жизнеобеспечения и развития.

Гуревич П. Макс Вебер считал, что основные качества, которые должны определять силу политического деятеля: страсть в смысле самоотдачи, ориентированность на существо дела; чувство ответственности; глазомер, или дистанция по отношению к событиям и людям. Однако в современной политической практике невозможно найти иллюстрации, подтверждающие тезис немецкого философа. Демократия приводит к власти политиков другого розлива. Мы все чаще наблюдаем, как победу на выборах одерживает обычный обыватель, не располагающий ни талантами, ни пониманием собственной миссии. К сожалению, в России имя носителя верховной власти ассоциируется со всем, что происходит в стране, — победами и поражениями, взлетами и катастрофами. Такое олицетворение исторического процесса, по мнению многих экспертов, специфическая черта российского менталитета.

Тема власти, как показало наше обсуждение, имеет немало новейших нюансов. Вероятно, можно утверждать, что со времен Калигулы власть стала еще более циничной. Французский философ Жан Бодрийяр отмечает, что власть, как таковая, находит в отвращении широкую опору. С тактикой утаивания покончено, теперь нами управляют языком открытого шантажа. Вся пропаганда, все политические выступления являются

публичным оскорблением здравому смыслу и интеллекту, но при этом мы сами являемся «реципиентами» этого оскорбления — отвратительного проявления молчаливого взаимодействия. Никого более не возмущает крайняя иррациональность поведения политиков. Саддам Хусейн взывал ко всему миру, доказывая, что у него нет ядерного оружия. Так оно и оказалось. О Муаммаре Каддафи говорили, что он закапывает демонстрантов в братские могилы. Эту информацию удалось опровергнуть, но в могилу закопали самого Каддафи. Западу нужен повод для вторжения в Сирию, и он его отыщет. Власть становится предельно беспардонной, воспаленной и негибачаемой. Известная триада — прийти к власти, поделиться властью, уйти из власти — утратила свое значение. Власть вездесуща. Политик, чиновник, судья, полицейский характеризуют лишь неожиданное обнаружение власти. Власть также становится все более и более дилетантской. Управленческий профессионализм утрачивается. Все чаще политики изрекают банальные призывы, озвучивают некие абстрактные «задачи».

Ведущие экономисты утверждают, что вся финансовая власть на земле принадлежит небольшой группе людей. Это они решают, иметь нам работу или ее лишиться. Заводить детей или жить в полном одиночестве. И они же устраивают массовые кризисы. В одно мгновение они способны обрушить образ жизни, благосостояние людей. Давая характеристику современному обществу, Фуко назвал его «дисциплинарным пространством». Среди характеристик его — детальный контроль над деятельностью человека и взаимозаменяемость элементов в дисциплинарном производстве.

Властители, по сути дела, хотят иметь в стране послушных людей. Они убеждены в том, что рабский дух сознания позволит им долго удерживаться в верхних эшелонах управления. Об «овечьих добродетелях народа» писал Н. А. Бердяев. Люди боятся стихии разнузданности, беззакония, которое уже раскрыло миру свои деструктивные ресурсы. Однако тот же Бердяев показал, что именно рабская психология способна актуализировать демона деструктивности. Вчерашние молчаливники способны к сокрушительной атаке на существующий порядок.

В общественном сознании России все чаще раздаются голоса о том, что для решения сложнейших проблем, с которыми сталкивается страна, нужны политики, способные преодолеть инерцию самодостаточности, косность мышления, номенклатурный кретинизм.

Увы, многим политикам приходилось уходить из власти под стук своих каблучков. Не зря у Шекспира сказано о финале властолюбия: «О великий Цезарь! Ты лежишь так низко? Неужели все твои победы, триумфы, слава, добыча сведены до таких ничтожных размеров?» Именно такой смысл можно извлечь сегодня из формулы власти.